

УДК 821.161.1

А. Г. Козлова, Д. Э. Лисова

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

А. Г. КОЗЛОВА, Д. Э. ЛИСОВА. ОБРАЗ ЖІНКИ У ПОЕЗІЇ БУЛАТА ОКУДЖАВИ

У статті розглядаються особливості втілення образу жінки у поезії одного з яскравих представників «шестидесятництва» – Булата Окуджави. Аналіз низки поетичних текстів дозволяє стверджувати, що для поета характерне поєднання в образі жінки планів побуту та буття, земного та небесного, тілесного та духовного. Натхненний, навіть обожнений образ жінки не позбавлений у Окуджави конкретних земних рис, хоча в ціннісній ієрархії лідируючі позиції, безперечно, належать у нього вічному, надпобутовому, духовному.

Ключові слова: «шестидесятники», образ жінки, побут та буття, поетичний текст, епітет, антитеза.

А. Г. КОЗЛОВА, Д. Э. ЛИСОВА. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

В статье рассматриваются особенности воплощения образа женщины в поэзии одного из ярких представителей «шестидесятничества» – Булата Окуджавы. Анализ ряда поэтических текстов позволяет утверждать, что для поэта характерно соединение в образе женщины планов быта и бытия, земного и небесного, телесного и духовного. Одухотворенный, даже обожествленный образ женщины не лишен у Окуджавы конкретных земных очертаний, хотя в ценностной иерархии лидирующие позиции, безусловно, принадлежат у него вечному, надбытовому, духовному.

Ключевые слова: «шестидесятники», образ женщины, быт и бытие, поэтический текст, эпитет, антитеза.

A. G. KOZLOVA, D. E. LISOVA. WOMAN'S FIGURE IN BULAT OKUDZHAVA'S POETRY

The article deals with realization peculiarities of woman's figure in Bulat Okudzhava's poetry, who is known as one of the greatest representatives of «men of the sixties». The analysis shows that female images have substantial representation in poet's works, who takes into account woman's age (a little girl, a girl, a woman, an old woman) as well as her interfamilial and marital status (a mother, a daughter, a sister, a bride, a wife, a widow). In poems on military topics the greater attention is given to images of the mother, the wife and the widow. In poetic texts written in the form of apostrophe to a woman the onymization of the appellative (Woman) together with the use of the capital letter in pronoun "You" is observed. The cases of anthropomorphize and granting nature-made (or other) objects with distinctive appearance attributes of a woman are noted. The results of analysis of poetic texts make possible to assert that the poet combines planes of life and existence, mortal and heavenly, physical and spiritual in woman's figure. Spiritual or even divine female image of Okudzhava's poems preserves particular mortal features, although, there is no doubt that the eternal, the "above-living" and the sacred have a higher position in poet's value hierarchy.

Key words: «men of the sixties», female image, life and existence, poetic text, epithet, antithesis.

Поэзия «шестидесятников» как смелых новаторов, выступивших с идеей обновления общества и ратовавших за личностную свободу, давно уже привлекает внимание исследователей (среди них Л. Аннинский [1], П. Вайль и А. Генис [2], В. А. Зайцев [3], Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий [4], А. И. Павловский [6] и др.). В своем творчестве «шестидесятники» обратились не только к актуальным социальным вопросам, но и к сфере личного, интимного, изменив характер любовной лирики. Особый интерес для изучения представляет образ женщины в поэзии «шестидесятников». Цель нашей работы – охарактеризовать особенности воплощения образа женщины в поэзии одного из представителей этой поэтической плеяды – Б. Ш. Окуджавы.

Различные аспекты творчества Окуджавы не раз становились предметом исследовательского внимания. Его изучением занимались М. А. Александрова, Г. А. Белая, Л. Л. Бельская, Н. Б. Богомолов, С. С. Бойко, В. В. Выдрин, В. А. Зайцев, С. В. Ломинадзе,

В. И. Новиков, С. Б. Рассадин, Б. А. Рогинский, О. М. Розенблум, Л. А. Шилов и др. В то же время женские образы рассматривались редко, фрагментарно, в рамках исследований более широкой тематики, например, в разделе «Женские образы в “Рославлеве” А. С. Пушкина и “Свидании с Бонапартом” Б. Ш. Окуджавы» кандидатской диссертации В. В. Выдриной «А. С. Пушкин в творческом сознании Б. Ш. Окуджавы» (Томск, 2010).

Вместе с тем женские образы многочисленны в творчестве Окуджавы, который учитывает и различные возрастные состояния женщины: девочка (девчонка, девчоночка) («Голубой шарик», «Апрель», «Аты-баты, шли солдаты...», «А месяц тонкий-тонкий...» и др.), девушка («Голубой шарик», «Шла девушка тропинкою лесной...», «А мы швейцару: Отворите двери!..» и др.), женщина (наиболее активно представленная лексема, именуемая лиц женского пола) («Голубой шарик», «Счастливчик Пушкин», «Плыл троллейбус по улице» и др.), в единичных случаях старуха (старушка) («Голубой шарик» и др.) и ее внутрисемейный или брачный статус: мать (мама), дочь, сестра, невеста, жена, вдова.

Образы матери и жены (вдовы) наиболее активно представлены в военной лирике поэта. Следует отметить, что события военных лет оказали огромное влияние на мировоззрение самого Окуджавы, который был непосредственным участником военных действий, и на поколение «шестидесятников» в целом.

В стихотворениях, посвященных военной теме, образ матери связывается с переживаниями о сыне: *Шла война к тому Берлину, / шел солдат на тот Берлин. / Матушка, не плачь по сыну – / у тебя счастливый сын* («Шла война к тому Берлину...»); *Не лейте слез, родимые мамаша, / на крылья наши слез не лейте зря!* («Оркестр играет боевые марши...»); *Четыре года мать без сына, / бери шинель, пошли домой* («Бери шинель, пошли домой»); *Не плачь, моя мамаша, что писем нет давно* («Песня красноармейца»). В произведениях, посвященных теме войны, Окуджава обращается и к теме материнского подвига в тылу, в быту, видя его в заботе о сохранении жизни детей: *Холод войны немилосерд и точен. / Ей равнодушия не занимать. // ...Пятеро голодных сыновей и дочек / и одна отчаянная мать* («Вобла»). (Не случайно мать у него «отчаянная», но не отчаявшаяся!). В стихотворениях иной тематики образ матери также связывается с мотивом заботы, тревоги за детей, в частности за сына: *Только мама моя в грусти и в тревоге: / «Что же ты гуляешь, мой сыночек, / одинокий, одинокий?»* («Дежурный по апрелю»). Образ матери, претерпевшей горести и невзгоды, становится основой сыновней духовности, его внутреннего благородства, милосердия: *...но горести моей прекрасной мамы / прощаю я неведомо кому* («Прощание с осенью»).

По вполне понятным причинам в военной лирике Б. Ш. Окуджавы часто встречается образ женщины-вдовы: *Что я скажу твоим домашним, / как встану я перед вдовой?* («Бери шинель, пошли домой...»); *Не верят вдовы в смерть мужей / и ждут их возвращенья* («Вдова»). В последнем примере лексема «вдовы» использована в рамках контекстуальной гендерной пары *вдовы – мужья*, выраженной существительными множественного числа именно в силу типичности, распространенности ситуации, представленной в тексте стихотворения. В произведениях данного тематического ряда у Окуджавы можно встретить и привычную гендерную пару *мужья – жены*: *Мужья на войне: им тиши – не тиши.<...> Стоят у ворот одинокие жены* («Возвращение»). В стихотворении «Ах, оркестры духовые...» в рамках антитезы создается контекстуальная антонимическая пара *невесты – вдовы*: *Провожают нас невесты, / а встречают вдовы*. Интересно, что та же пара используется поэтом и в стихотворении «Считалочка для Беллы», не связанным с военной темой: *То ли поздняя невеста, / то ли юная вдова*.

Для Окуджавы характерна романтизация женщины, преклонение перед ней, ее обожествление: *Эта женщина! Увижу и немею. / Потому-то, понимаешь, не гляжу* («Эта женщина! Увижу и немею...»); *Вы пропойте, вы пропойте / Славу женщине моей!* («Не бродяги, не пропойцы...»); *Ваше Величество, Женщина, / да неужели – ко мне?* («Ваше Величество, Женщина»); *Приду я к женщине своей – всю жизнь к ногам ее сложу* («Песенка о присяге»). Все стихотворения, написанные в форме риторического обращения к женщине, у поэта наполнены нежным чувством и глубоким уважением к адресату, что находит выражение в онимизации апеллятива и использовании прописной буквы в местоимении «Вы»: *Женщина, ваше величество, / как Вы решились сюда?* («Ваше Величество, Женщина»); *Музыкант приник губами к флейте. Я бы к Вам приник! / Но Вы, наверно, тот родник, который не спасает* («Чудесный вальс»); *Когда б Вы не спели тот старый романс, / я верил бы, что проживу и без Вас...* («Памяти Обуховой») и др.

Для определения женщины Окуджава использует целый ряд эпитетов: *нежная, красивая, прекрасная, задумчивая: Шла девушка, молчание храня, / и было ей совсем не до меня. / Задумчивая,*

нежная была... («Шла девушка тропинкою лесной...»); *Сестра моя прекрасная, Натела...* («Сестра моя прекрасная, Натела...»); *А она белее развешивала, / нас не звала, / красивая женщина / с тесного двора* («Сказка»); *В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы* («Еще один романс»); *С нами женщины – все они красивы* («После дождичка небеса просторней...»); *Красотка Маргарита* («Песенка о художнике Пиросмани»).

Таким образом, женщина у Окуджавы предстаёт существом возвышенным, прекрасным, абсолютно совершенным, лишённым эротического компонента, но при этом не оторванным от земной жизни с ее бытовыми реалиями. Изображая женщину, Окуджава соединяет бытовой и бытийный планы, приподнимая ее над бытом, но не лишая конкретных земных очертаний: *и муравей создал себе богиню <...> и целовал обветренные руки / и старенькие туфельки ее* («Песенка о московском муравье»). Это дало основания Р. Чайковскому, оспаривая тезис о том, что Окуджава – романтик (З. Паперный [7], С. Рассадин [8] и др.), утверждать, что «большого реалиста, чем Б. Окуджава, найти трудно», что «Вся его поэзия – это реальная жизнь реального человека» [9, с. 102]. Нам представляется все же, что такое прямолинейное утверждение является огрублением, строится на учете только одной стороны.

Рассмотрим более внимательно стихотворение «Песенка о московском муравье». Оно посвящено жизни самых обыкновенных «маленьких людей», существующих на пересечении быта и бытия. «Высокое» здесь соединяется с обыденным, и они не просто совершенно не противоречат друг другу, не просто уживаются или сосуществуют, но создают некую новую гармонию:

*...и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.*

*И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знамени...
Пальтишко было легкое на ней.*

Героиня именуется богиней, ее «создание», благодаря указанию *в день седьмой* отсылает к Библейскому тексту, согласно которому мир был сотворен за шесть дней, осовременивает героиню, появившуюся после сотворения мира. Она возникла каким-то нереальным образом из света (*из ночных огней*), однако *без всякого небесного знамени...*, на ней *пальтишко было легкое*, у богини *обветренные руки и старенькие туфельки*. В финале стихотворения, благодаря сравнениям, образующим антитезу (острота противопоставления в которой снимается за счет эпитетов, образующих перечислительный ряд: *красивые и мудрые, и грустные*), эта гармония, это соединение, сращение в героях бытового и бытийного начал становятся подчеркнута очевидными:

*И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли.*

Пожалуй, самым ярким примером соединения планов бытия и быта в женской теме у Окуджавы может служить его стихотворение «Голубой шарик». З. Паперный, сосредоточивая внимание на его бытийном пласте, резюмирует, что даже если бы Окуджава написал одну только «Песенку о голубом шарике», и тогда он имел бы все основания называться «истинным поэтом-романтиком» [7]. Р. Чайковский, напротив, полагает, что в этом стихотворении нет ничего, кроме самой жизни [9, с. 102].

Это стихотворение принципиально важно для нашего исследования, т. к. трудно не согласиться с Р. Чайковским, что «женские» стихи Окуджавы «вышли, образно говоря, из «Голубого шарика» – восьмистрочной истории человеческой жизни» [9, с. 101]. Следует, пожалуй, лишь уточнить, что не просто «человеческой жизни», а именно женской судьбы в ее символическом представлении. А вот понимание исследователем концовки стихотворения, которая интерпретируется им как «не романтический финальный аккорд в структуре почти прозаического по своей сути, печального стихотворения, а просто грустная (хотя и символическая) концовка невеселой повести о женской судьбе, в которой так часты беды и боль, безнадежность и разочарования, одиночество и разлуки» [9, с. 101], вызывает сомнения. Нам представляется, что такая трактовка данного стихотворения не учитывает всех оттенков чувств и смыслов, которые выражает и которые вызывает у читателя этот поэтический текст. Не случайно цвет шарика – голубой – указан только в самом конце текста, в самой последней строке, в самом последнем слове. Голубой цвет – цвет неба, обители Господа, символ духовного начала. И вернувшийся голубой

шарик – это итог жизни, подводящий к выводу, что самоценна именно сама жизнь, что результатом земного пути должно стать духовное совершенствование. Не случайно в одной из песен Окуджавы утверждается: *А душа, уж это точно, ежели обожжена, / Справедливей, милосерднее и праведней она* («Музыкант играл на скрипке»). Таким образом, Окуджава соединяет бытовое и бытийное, телесное и духовное, реалистическое и романтическое, ставя на вершину ценностной иерархии духовное, надбытовое.

Именно поэтому, обращаясь к женской телесности, поэт уделяет особое внимание «неэротической» части женского тела – рукам и ладоням: *О, ладони твои все умеют, / все, что было, читаю по ним, / и когда мои губы немеют, / припадаю к ладоням твоим, / припадаю к ладоням горячим* («Раскрываю страницы ладоней...»); *И откуда на переднем крае, / где даже земля сожжена, / тонких рук доверчивость такая / и улыбки такая тишина?* («Отрада»); *Дышит... теплой женской ладонью под головой* («Человек»); *Узловатые руки витали теплей и добрей, / как молитва твоя над армянскою скорбью моей* («Нянька»). Как было отмечено выше, в исповедуемой Окуджавой иерархии ценностей лидирующие позиции занимает надтелесное, духовное. В связи с этим не удивительно повышенное внимание поэта к описанию женских глаз, ибо они, как известно, «зеркало души», в них не только можно прочесть минутное настроение, через них действительно можно увидеть душу и понять глубинную сущность женщины: *Глаза, словно неба осеннего свод, / и нет в этом небе огня* («Глаза, словно неба осеннего свод...»); *Вы в глаза её взгляните, / как в спасение своё* («Не бродяги, не пропойцы...»); *Я всматриваюсь в ваших глаз глубины* («Нева Петровна, возле вас – все львы...»); *И были черными и бездонными / голубые ее глаза* («Медсестра Мария»).

В лирике поэта встречаются антропонимы, называющие лиц женского пола: Валя, Валюша, Валечка, Мария, Маргарита, Надя, Наденька, Натела, Акулина Ивановна, среди которых отдельную и очень важную группу составляют отапельлятивные: Вера, Надежда, Любовь, Отрада, Победа, Фортуна, задающие в некоторых случаях вариативное прочтение текста. Нередко поэт использует прием антропоморфизации, наделяя характерными атрибутами женского облика природные (или иные) объекты. Так, река Нева превращается у Окуджавы в Неву Петровну с глубокими глазами и в *платье цвета белой ночи* («Нева Петровна, возле вас – все львы...»). Обращение к такого рода проблемам может стать предметом самостоятельного литературоведческого анализа.

Таким образом, даже самый беглый взгляд на проблему изображения женщины в поэзии Окуджавы позволяет сделать следующие наблюдения: для поэта характерно соединение в образе женщины планов быта и бытия, земного и небесного, телесного (но не эротического) и духовного. Одухотворенный, даже обожествленный образ женщины не лишен у поэта конкретных земных очертаний, хотя в ценностной иерархии лидирующие позиции, безусловно, принадлежат у него вечному, надбытовому, духовному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники... / Л. А. Аннинский // Литературное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 10 – 12.
2. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека / Петр Вайль, Александр Генис. – М.: Corpus, 2013. – 432 с.
3. Зайцев В. А. Лекции по истории русской поэзии XX века (1940 – 2000) / В. А. Зайцев. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 384 с.
4. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
5. Т. 1. Литература «оттепели» (1953 – 1968). – 413 с.
6. Окуджава Булат. Стихи и песни [Электронный ресурс] / Булат Окуджава. – Режим доступа: <http://bokudjava.ru/A.html>.
7. Павловский А. И. Поэзия пятидесятых и шестидесятых годов (1955 – 1970) / А. И. Павловский // История русской советской поэзии. 1941 – 1980 / [под ред. В. В. Бузник]. – Л.: Наука, 1984. – 400 с. – С. 135 – 214.
8. Паперный З. За столом семи морей: (Б. Окуджава) / З. Паперный // Вопросы литературы. – 1983. – № 6. – С. 31 – 52.
9. Рассадин С. Б. Булат Окуджава / С. Б. Рассадин. – М.: Олимп, 1999. – 64 с.
10. Чайковский Р. Романтик ли Булат Окуджава? [Письмо в редакцию] / Р. Чайковский // Литературное обозрение. – 1988. – № 1. – С. 101 – 103.

(Статья поступила в редакцию 7 ноября 2015 г.)